

Таким образом, сущность государства не может быть иной, чем сущность породивших его классов – купцов, менял, ростовщиков и банкиров, которые нещадно эксплуатируют планету ради прибыли. Единственный выход спасти планету – это организация общества «по-горизонтали» по инициативе объединенных трудящихся классов, с последующим их высвобождением от не творческого труда и приобретением Свободного Времени для саморазвития и самосовершенствования.

Левченков Александр Иванович,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Украины,
заслуженный работник образования Луганской Народной Республики,
Луганская академия внутренних дел им. Э. А. Дидоренко
Levchenkov Alexander Ivanovich,
candidate of Law, Professor, honored lawyer of Ukraine,
honored worker of education of the Luhansk people's Republic,
Lugansk Academy of internal Affairs named after E. A. Didorenko
naukalavd@mail.ru

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ПРАВЕ

THE CONTINUITY OF THE LAW

В статье представлена и обоснована точка зрения, согласно которой допускается возможность преемственности не только в существенно различающихся концепциях понимания одного исторического типа права, но и между ранее существовавшими, совсем несопоставимыми историческими типами права (буржуазное – социалистическое). Автор видит преемственность в постоянном накоплении научных знаний о праве вообще и особенно в интересах, целях и основных функциях права. Утверждает, что упорядочивание (управление) общественными отношениями в социально неоднородных обществах осуществляется преимущественно силовыми методами – преемственность в насилии.

The article presents and justifies the author's point of view according to which it is allowed the possibility of continuity, not only in the significantly different conceptions of understanding of one historical type of law, but also between the existing, quite disparate historical types of law (bourgeois socialist). The continuity observed in the constant accumulation of scientific knowledge about the law in General and especially it can be seen clearly in the interests, objectives and main functions of law. The ordering (control) of public relations in socially heterogeneous societies is carried out mainly by force — the continuity of the violence.

Преемственность, исторический тип права, цель, интерес, основные функции права, упорядочивание, насилие, политика.

Continuity, the historical type of right, purpose, interest, principal functions of law, order, violence, politics.

Современная наука представляет собой многоуровневую органическую систему, развитие которой характеризуется диалектическим единством механизмов прерывности и непрерывности. Можно говорить о нарушении последовательности на одних уровнях научной деятельности и преемственности на других ее уровнях. При этом любые изменения в научном познании (эволюционные, революционные) никогда не приводят к отказу от объективно истинного знания, а включают его в состав нового знания. Именно поэтому научная теория как высшая форма знания может выступать исходным пунктом анализа реальных изменений в правовой науке, которые в этом случае будут пониматься как определенного вида внутри-теоретическое развитие или как переход от одной теоретической конструкции к другой в соответствующей отрасли юридического знания.

В этой связи первостепенное значение приобретает такая категория, как преемственность. Что является наследственным в правовом знании, правовой теории и праве? Речь идет о том, возможна или невозможна преемственность и использование политико-правовых теорий (научного знания) «советского» периода в современных юридических конструкциях. В чем может быть частичная преемственность, а в каких моментах она категорически недопустима? Следующий вопрос возникает в связи с возможностью использования преемственности в «заимствовании» основных положений «западных» и других политико-правовых теорий (моделей) прошлого и настоящего с целью их задействования в научном конструировании современного государства и права.

Проблема сопоставимости, истинности и перспективности правовых теорий получила в последнее время особый резонанс в связи с активным обсуждением в научной литературе так называемого тезиса об изменении теоретических терминов¹, а также в связи с их заимствованием из другой системы координат, других мировоззренческих, политических и правовых систем. При этом очевидно, что правовые концепции, которые сменяют друг друга, например, «советская» и «западная», имеют совершенно разные значения и, соответственно, различный, не совпадающий, в том числе и по смыслу, понятийный аппарат, поэтому совпадение и преемственность указанных теорий будут затрудненными, но не невозможными в полной мере. Это только означает, что речь идет о теоретических правовых моделях, ни одна из которых не может рассматриваться как более широкая, базовая для другой.

И «западная», и «советская», и другие политико-правовые теории как системы (совокупности согласованных и взаимодействующих теорий, концепций и категорий), как правило, имеют свои собственные «базовые», основополагающие теории. Кроме этого, как показывает исторический

¹ Панов М. Проблеми методології формування категоріально-понятійного апарату юридичної науки// Право України. № 1. 2014. С. 50–60.

опыт, обе названные «господствующие» теории не могут рассматриваться как абсолютно надежные и единственно правильные. При этом столкновение различных правовых теорий так же необходимо для развития научного знания, как и учет влияния «базовых» политико-правовых теорий на «рабочие» гипотезы и концепции.

Итак, представляется вполне очевидным, что в принципе различные правовые теории могут быть сопоставлены друг с другом («западные», «восточные», «советские», современные, дореволюционные и др.). Но если новые теории и знания могут быть сопоставлены со старыми, и если первые, в свою очередь, должны чем-то различаться между собой, так же как и отличаться от общепризнанной на конкретном этапе «господствующей» теории, то между последней и новыми теориями всегда есть возможность возникновения отношений противоречия, в основе которого лежит вероятное несовпадение мировоззренческих подходов, ценностных ориентиров и интересов (последнее нельзя рассматривать как абсолютное и непреодолимое противоречие).

Конструирование любой современной правовой теории можно рассматривать как результат трехстороннего взаимодействия или столкновения между альтернативными теориями, «господствующими» (базовыми) теориями и ранее приобретенными человечеством правовыми знаниями. Раз мы допускаем возможность преемственности в научном знании, то мы можем говорить также о возможности преемственности в праве в целом. Сошлемся в данном случае на мнение ученого с мировым именем – Ю. М. Лотмана. Он считал, что в западных обществах, в тернарных структурах мощные и глубокие «взрывы» (коренные изменения, революции и т. п.) не охватывают всего многообразия социальных пластов. Центральная структура, по его утверждению, может устоять, хотя и испытывает определенную деформацию, и разговоры о полном разрушении старого общественного здания, по сути, представляет собой смесь самообмана и тактического лозунга. И речь здесь идет не только о том, что абсолютное уничтожение старого невозможно ни в тернарных, ни в бинарных структурах, но и о более глубоких вещах: тернарные структуры сохраняют определенные ценности предшествующего периода. Идеалом бинарных (восточных, советских и др.) систем, наоборот, является полное уничтожение всего существующего, как запятнанного несуществующими пороками. Тернарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная – осуществить на практике неосуществимый идеал. В бинарных системах «взрыв» охватывает все стороны жизнедеятельности человека. Сначала он привлекает наиболее максималистские слои общества поэзией мгновенного построения «новой земли и нового неба», своим радикализмом².

² См.: Лотман Ю. М. Культура и взрыв М.: Гнозис, 1992. С. 257–258.

Однако, ученый считает, что «Цена, которую приходится платить за утопии, сказывается лишь на следующем этапе. Характерная черта» взрывных «моментов в бинарных системах – их переживание себя как уникального, ни с чем ни сравнимого момента во всей истории человечества»³. Ю. М. Лотман подчеркивал, что в цивилизациях западного типа «взрыв» разрывает только часть пластов культуры, пусть даже и очень значительную. Там непрерывность переплетается с разрывами, образуя при этом единую историческую связь. В бинарных системах (в цивилизациях восточного типа) моменты «взрыва» могут разрывать цепь непрерывных последовательностей, что неизбежно ведет к глубоким кризисам, но и к коренным обновлениям⁴. Так, эпоху реформ в России последней трети XIX века он характеризует как противоборство двух сил, где желание одних остановить историю столкнулось со стремлением других подтолкнуть ее к прыжку. В противостоянии такого рода борьба между противоборствующими силами направлена не на достижение компромисса, а на победу, которая подается как «последний и решительный бой»⁵.

Преемственность в теоретических государственно-правовых концепциях советского типа – это преемственность в доминировании политики над правом и вытеснении морали из всех духовно-правовых процессов и конструкций. Политика (правовая политика), будучи специфическим выражением групповых интересов, определяет и социальную направленность нравственного оценивания⁶.

Таким образом, когда мы говорим о возможности «преемственности» в праве, то речь должна идти о возможности преемственности в мировоззрении, ценностях, интересах, правовой культуре, цели и основных функциях права.

Возможна ли преемственность в «западном» и «восточном» мировоззрениях, зафиксированных в правовых теориях? Видимо, нет, если только разделение на «Запад» и «Восток» не является чисто идеологическим построением, направленным на уничтожение суверенных государств. Также возникают сомнения относительно возможности преемственности в ценностях. Особенно, если считать, что человек, его жизнь, неприкосновенность, честь и достоинство и др. являются основополагающими ценностями в государствах переходного типа.

А вот, рассматривая интересы, отраженные в праве, как возможный фактор преемственности в постсоветских государствах, можно решить эту задачу положительно. На первый взгляд интересы «западной» и «восточ-

³ См.: Лотман Ю. М. Культура и взрыв М.: Гнозис, 1992. С. 258.

⁴ Там же. С. 262.

⁵ Там же.

⁶ См.: Заздравнов А. П., Заздравнова О. И. Политика и нравственность: антагонисты и союзники // Пятое Харьковские политологические чтения «Ресурсы политической власти». Харьков, 1997. С. 39.

ной» политико-правовых систем не совпадают. Это действительно так: не совпадают второстепенные интересы, но совпадают главные: и там, и там материальные блага и власть находятся у меньшинства общества; и там, и там это явление нашло свое отражение в прямой или скрытой форме в различных государственно-правовых построениях; и там, и там народ, формально-юридически считается «источником власти», по сути же является средством ее достижения. Преемственность между правовой культурой «советской» и современной проявляется в прогрессирующем нигилизме и низком правосознании как «верхов», так и «низов».

Что касается преемственности в целях и основных функциях права, то здесь мы видим ее наличие в двух формах: а) преемственность в упорядочении (управлении) общественными отношениями определенным образом: б) преемственность в закреплении в праве интересов меньшинства общества, а уже потом, по остаточному признаку – интересов большинства населения страны. И такое «закрепление» интересов меньшинства в правовых нормах обычно происходит принудительно (преемственность в насилии)⁷. Также речь может идти о возможной преемственности в методах и средствах достижения целей. Общим для государств переходного типа является то, что они все вместе взятые испытывают на себе давление со стороны высокоразвитых государств в различных сферах (политической, экономической, культурной, идеологической, правовой). Они навязывают свои интересы, ценности, мировоззрение и культуру периферийным и полупериферийным странам. Можно допустить частичную преемственность в правовых категориях (устоявшийся понятийный аппарат).

Исходя из сказанного следует сделать вывод о существовании преемственности в интересах, цели и основных функциях права и практике его реализации в политико-правовых надстройках прошлого и настоящего: западных и восточных, «советских» и «перестроечных», «национальных» и «глобализационных» и др. Преемственность допустима, по большому счету, в различных правовых теориях, в том числе и, на первый взгляд, совсем несовместимых («восточной» и «западной» и др.). Ведь любая правовая теория имеет конечной целью (в скрытом или открытом виде) тем или иным образом обосновать и оправдать определенный способ действия права на существующие общественные отношения. За «упорядочиванием» общественных отношений для большинства населения страны всегда стоит такое социальное явление, как «управление обществом».

⁷ Степень государственно-правового насилия прямо пропорциональна степени социальной (имущественной) дифференциации существующей в обществе. Вопрос заключается только в том, какой непосредственно его части право служит преимущественно – одному человеку, меньшинству или его большинству. Естественно, что в «бедных» государствах упорядочивание (управление) общественными отношениями будет неизбежно осуществляться императивными методами с широким привлечением силовых ресурсов.

Все правовые и другие теоретические построения (экономические, политические и даже нравственные) неизбежно отражают в своем содержании и оправдывают соответствующие теоретико-методологические конструкции управления обществом («восточные», «западные», «старые», «новые», «демократические», «советские», «украинские» и т. д.). Однако, возникает вопрос, насколько «новые» общественные отношения могут быть действительно «новыми» и при каких условиях:

Во-первых, если отбросить тщательную маскировку с этой глубоко законспирированной проблемы, то ответ лежит на поверхности. «Новыми» они могут быть только при одном условии – когда собственность и власть в государстве переходят от одной господствующей социальной группы населения к другой. В 1917 г. в России власть и собственность перешли от помещиков и буржуазии к рабочим и крестьянам и, таким образом, появились новые общественные отношения. Во-вторых, если собственность и власть переходят из рук в руки одного и того же господствующего социально-экономического и политического слоя населения, тогда существующие общественные отношения вовсе не новые или частично новые. В-третьих, если проанализировать эту проблему далее, то можно сделать вывод, что общественные отношения «совершенно новыми» никогда не были и быть не могут, потому что власть и собственность в прошлом и настоящем всегда в открытой или скрытой форме находилось у меньшинства общества (1,5–2 % помещиков и буржуазии, 2 % партийно-советской номенклатуры, 2 % сегодняшних «демократов» и т. п.).

Таким образом, глобальная преемственность в отношениях власти и собственности неизбежно ведет к такой же преемственности в различных исторических типах права, теоретических конструкциях и концепциях правового регулирования.

Подытоживая все вышесказанное, можно утверждать, что «преемственность» в различных правовых теориях не только возможна, но и будет в этом смысле (управление обществом) неизбежна. Особенно в условиях глобализационных процессов, которые становятся все более очевидными и глубокими в плане установления «всемирного управления», что с необходимостью приведет к уничтожению национальных правовых систем и к формированию «мирового права и правопорядка».